

Автор довольно уклончив в оценке фигуры Георгия Амируци, хотя сам же упоминает, что уже современники обвиняли его в предательстве (с. 332, 434), которое, впрочем, не смягчило султана. Дружба Амируци с кардиналом Виссароном Никейским не служит ему в оправдание (с. 419, 467–472): сам Виссарийон стал князем католической церкви.

Представляется нелогичным объединение в одной главе рассказа об отношениях Трапезунда с Крымом и славянскими странами Балкан: логичнее было бы в одной главе говорить о Крыме и Руси, как в одной главе – о западноевропейских и славянских государствах на Балканах.

Следовало бы сослаться на недавнюю (?) новую статью Б.Л. Фонкича, в которой он передатировал свою же собственную старую датировку (XIV в.) на XIII в. как время написания в Трапезунде единственной сохранившейся рукописи Кекавмена (с. 212). Кстати говоря, верное прочтение надписи на этой рукописи о собственнице “госпоже Хатун” предложил не Б.Л. Фонкич, а Р.М. Бартикян (с. 212, 221, 418, 421, 476).

Автор следует иногда не принятой у нас манере оставлять без перевода или изложения целые фразы на греческом, латинском, староитальянском и др. (с. 293, 314, 438 и др.). Несмотря на огромный объем использованной литературы, здесь также встречаются упущения. Укажем на один случай: автор ссылается на данные жития Георгия Амастридского о набегах русов на южный берег Черного моря до 843 г.; однако достоверность этих свидетельств была подвергнута сомнению рядом ученых. В связи с этим следовало бы упомянуть работу И. Шевченко, защитившего этот памятник как исторический источник (*Ševčenko I. Hagiographie on the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 113–131*).

Автор не занял четкую позицию в отношении итаизма (в книге множество случаев написания имен и технических терминов с учетом и без учета этого фонетического феномена, как и оставленных без пояснения таких понятий, как квинтал, сансер, птохион, кентЕнарый, примик-Ерий, горчи, газы и т.п.). Не объяснены соотношения греческих и иных денежных знаков, как и меры веса и сыпучих тел. Непонятно, почему Сергей Павлович предпочитает обозначать греческую “литру” как “либру”. Диакритика в греческих текстах порой оставляет желать лучшего.

Жаль, что в книге нет предметно-терминологического указателя. Вызывает сожаление также отсутствие и списка правлений византийских императоров, который позволил бы легче ориентироваться в событиях, связанных с византийско-трапезундскими отношениями и ходом борьбы за восстановление Византийской империи: автор счел излишним назвать повелителей того целого (Византии), от которого отделилась часть (Трапезунд).

Приведенные нами выше спорные суждения и мелкие погрешности ни в коем случае не могут помешать самой высокой оценке труда: с полными к тому основаниями книга Сергея Павловича может быть определена как классический труд. Автор в основном исчерпал поставленную им проблему, и его труду суждено, несомненно, надолго остаться главным среди научных работ на данную тему.

Г. Г. Литаврин

Пашкин Н.Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007 (Серия “Античная древность и средние века”). 237 с.

Н.Г. Пашкин, ученик главы уральской школы византиноведения М.А. Поляковской, освещает в недавно вышедшей монографии отношения Византии и Запада в эпоху турецкого завоевания, охватывая сорокалетний период между битвой при Анкаре и Ферраро-Флорентийским собором. Выбирая объектом своего изучения один из самых драматичных периодов византийской истории, автор ставит своей целью проанализировать динамику византийской внешней политики в контексте политической и церковной жизни Европы первой половины XV в. По сути, монография Н.Г. Пашкина отвечает на весьма непростой вопрос: насколько оптимально были использованы ресурсы отношений между Византией и Западом для защиты империи от турецкой экспансии. Другими словами, книга позволяет по-новому взглянуть на те факторы поздневизантийской истории, которые в конечном итоге обусловили ее трагический финал.

Безусловным достоинством монографии можно считать целостный анализ динамики западного направления византийской внешней политики указанного периода: автор рассматривает политические контакты Византии с Венецией, Венгрией, Арагоном и Польшей, анализирует церковную унию как средство византийской дипломатии, распутывает клубок сложных взаимоотношений Византии с папским престолом и Базельским собором. Монография освещает участие византийцев на Константианском соборе, убедительно доказывая тезис о том, что история Ферраро-Флорентийского собора началась в Констанце.

Книга во многом переосмысляет и корректирует фундаментальное исследование, посвященное поздневизантийской внешней политике первой половины XV в., – монографию Дж. Баркера¹. Отличительной чертой монографии Н.Г. Пашкина является не только расширение хронологических рамок работы, но и стремление осветить взаимные влияния византийской внешней политики и динамики развития самого Запада. Таким образом, автору удалось избежать одностороннего подхода к исследованию: с одной стороны, он отвечает на следующий ряд вопросов: что византийцы ждали от западных государств, на какую именно помощь в борьбе с турками они рассчитывали и что готовы были предложить взамен. С другой стороны, автор объясняет, как именно уния с греками отразилась на судьбах европейских государств.

Первые две главы монографии освещают фактологическую канву международных отношений в Европе первой половины XV в. В третьей, заключительной главе монографии “Византия в контексте основных тенденций развития Запада и проблема политической ориентации империи” Н.Г. Пашкин выходит на высокий уровень смелых теоретических умозаключений, подкрепленных глубоким знанием источников.

Н.Г. Пашкин утверждает, что вопреки распространенному мнению византийцы весьма неопределенно оценивали объемы финансовой и военной помощи, которую они стремились получить от Запада (с. 204). Автор конкретизирует формы этой помощи, отмечая, что переговоры с европейскими государствами шли о финансовых пожертвованиях либо о крайне ограниченных по масштабу совместных военных операциях. Идею же крестового похода с участием западных государств византийцы вообще рассматривали как весьма нежелательную. Все это, заключает автор, не могло кардинально изменить к лучшему внешнеполитическое положение Византийского государства. Общий ход рассуждений исследователя представляется весьма логичным, за исключением тезиса о “неопределенности”, с которой византийцы подходили к решению такой глобальной для них задачи, как получение военной помощи от западных государств. Здесь скорее необходимо говорить о вполне объяснимой осторожности византийцев, а также о трезвой оценке ситуации.

Следует признать справедливым один из основных тезисов монографии, согласно которому ориентация Византии на союз с папским престолом была менее перспективной, нежели чем союз с Базельским собором. Автор убедительно доказывает, что союз с папством был продиктован не столько практическими соображениями византийцев, сколько имперскими стереотипами византийской политики. Что касается западноевропейских государств, то исследователь приходит к выводу, что решение “вопроса о греках” было средством борьбы различных политических групп Запада. Таким образом, автор подходит к объяснению причин того, почему “исторический компромисс, каковым должна была стать Флорентийская уния, заранее был обречен на провал” (с. 205).

Н.Г. Пашкин обладает безусловным эвристическим потенциалом, что нашло отражение в ряде новых интерпретаций, предложенных в монографии. Автор предлагает весьма правдоподобное объяснение загадочного пассажа письма Мануила Палеолога арагонскому королю Фердинанду I (с. 41–43). Это письмо еще не было прокомментировано в литературе, тогда как интерпретация, предложенная Н.Г. Пашкиным, проливает свет на антивенецианские интриги императора Сигизмунда и короля Фердинанда. Вызывает интерес неожиданная интерпретация письма императора Сигизмунда Мануилу Палеологу (с. 57). Новаторскими являются и выводы автора, касающиеся польско-византийских отношений (с. 72). Н.Г. Пашкин не без основания заключает, “что поместный собор в Новогрудке и последовавшее вслед за этим самочинное выдвижение Григория Цамблака на пост митрополита Киевского были сделаны с оглядкой на Константинополь и не без участия византийцев” (с. 72). Вопреки мнению В. Нордена, утверждавшего, что впервые титул “*imperator Constantinopolitanus*” вместо “*imperator Graecorum*” или “*imperator Romeorum*”, после долгого игнорирования этого способа титулования, вновь

¹ *Barker J. Manuel II Palaeologus (1391–1425). New Brunswick, 1969.*

употребил в обращении к византийскому императору папа Евгений IV в 1437 г., автор монографии убедительно доказывает, что на самом деле впервые к этому титулу вернулся папа Мартин V в первом послании к императору Мануилу Палеологу в 1418 г. (с. 73–74).

Вместе с тем нельзя согласиться с некоторыми неосторожными формулировками автора исследования, как, например, с утверждением о том, что “византийцы традиционно считали главным препятствием для заключения унии чисто догматический спор о *filioque*, и все остальные пункты казались им второстепенными” (с. 191). Для авторов XII–XIII вв. разногласия по поводу опресноков были не менее важными, чем спор о *filioque*². Это замечание справедливо и для авторов XIV в.³ Досадным упущением кажется и некоторая неполнота библиографии. Важной частью исследования является раздел, посвященной внешней политике Мануила II Палеолога. В связи с этим необходимо было бы указать статьи С. Райнерта⁴ и Э. Захариаду⁵, а также письма, полемические трактаты и речи императора Мануила II Палеолога⁶. Автор весьма уместно ссылается на высказывание Димитрия Кидониса, призывавшего византийцев “отказаться от чувства превосходства над другими народами” (с. 199). К сожалению, автор не указывает источника цитирования. Также вызывает удивление тот факт, что хроника Георгия Сфрандзи цитируется не по оригиналу, а по монографии Ван Дитена.

Высказанные замечания ничуть не умаляют общего благоприятного впечатления от книги, основные выводы которой представляются весьма небанальными и хорошо обоснованными. Без всякого сомнения, монография Н.Г. Пашкина внесла весомый вклад в изучение поздневизантийской дипломатии.

К.И. Лобовикова

Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, Vol. 10. Ashgate: Variorum, 2004. 208 p.

Вопросы идентичности занимают не последнее место в трудах византинистов, да и медиевистов вообще, в последние десятилетия. Английский византинист-искусствовед Энтони Истмонд разбирает проблемы идентичности Трапезундской империи на материале архитектуры и фресок Святой Софии Трапезундской, стремясь определить, как один из трапезундских императоров, Мануил I Великий Комнин (1238–1263), оформлял свои претензии на константинопольское наследие.

Ключевой вопрос исследования – какой образ Византии предлагали претенденты на константинопольский престол своим возможным последователям? Что представляла собой византийская идентичность первой половины XIII в. и как она формировалась в разных “государствах-наследниках”, стремившихся отбить столицу у латинян? Необходимость формирования новой идентичности обуславливалась уже тем, что все традиционные символы власти и могущества империи и лично императора были утрачены с потерей Константинополя. Э. Истмонд подробно разбирает никейскую модель византийской идентичности, уже хорошо исследованную и считающуюся общевизантийской, но отдельно подчеркивает и новый

² Бармин А.В. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 518–656 (Рус. пер. одного из антилатинских трактатов Е.); *Он же*. “Опровержительные слова” Евстратия Никейского. М., 2008 (в печати).

³ Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом и другие сочинения / Пер. и коммент. Г.М. Прохорова. СПб., 1997.

⁴ Reinert W.S. Manuel II Palaeologos and His Mûderris // *The Twilight of Byzantium, Aspects of Cultural and Religious History of the Late Byzantine Empire. Papers from the Colloquium Held at Princeton University 8–9 May 1989.* Princeton, 1991. P. 39–51.

⁵ Zachariadou E. Manuel II Palaeologos on the Strife between Bāyezīd I and Kādī Burhān al-Dīn Ahmad // *BSOAS.* 1980. 43. P. 471–481.

⁶ *Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem Muslim, I, Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe von Karl Förstel.* Würzburg; Altenberg, 1993; *The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G.T. Dennis.* Washington DC., 1977.